

П. А. Колесников

МИГРАЦИЯ СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XVI — начале XVIII в.¹

О роли черносошного крестьянства Европейского Севера в заселении и освоении Зауралья и Сибири мы находим обширный материал в сибиреведческой литературе. Имеются интересные работы и по вопросам миграции населения в отдельных уездах Поморья. Это исследование Н. В. Устюгова о солеваренной промышленности Приуралья, в котором дана широкая картина притока населения в Соликамский уезд в XVII — нач. XVIII в., работы А. А. Преображенского, А. И. Комиссаренко и др. по миграции населения главным образом в уездах Восточного Поморья².

Но специальных обобщающих работ по миграции северного крестьянства в XVI—XVIII вв. до сих пор нет. Остается ряд сторон миграционных процессов пока еще слабо затронутых в научной литературе.

В данной статье поставлена задача изучить миграционные процессы на территории всех поморских уездов, причем, рассмотреть их на фоне развития аграрных отношений в стране и в крае черносошного крестьянства с примыкавшим к нему Вологодским уездом.

Фронтальное изучение миграционных процессов в столь широких хронологических рамках потребовало и соответст-

¹ Доклад на эту тему сделан автором на XI сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Одессе в ноябре 1969 г. Дается в сокращении.

² Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Его же. Крестьянская колонизация южной части Соликамского уезда во второй половине XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. V, М., 1962; А. А. Преображенский. Очерки колонизации Зап. Урала в XVII — нач. XVIII в., М., 1956; Его же. К вопросу о миграциях населения на Урале и в Зап. Сибири в XVII — нач. XVIII в. — «Вопросы аграрной истории Урала и Зап. Сибири», Свердловск, 1966, стр. 72—86; А. И. Комиссаренко. Вятское крестьянство в 20—60-е гг. XVIII в. Автореферат, М., 1966; А. С. Черевань. Формирование сословия гос. крестьян на Урале и Европейском Севере России. Петрозаводск, 1960 и др.

вующей источниковедческой базы. Основой ее, кроме различного актового материала, послужили писцовые и переписные книги конца XVI — нач. XVIII в.³

Необходимо отметить сложность работы с этими источниками. Она заключается в том, что только некоторые переписные книги, составленные во время ландратской переписи 1710—1717 гг., дают сводные итоговые материалы о времени и причинах пустоты, о судьбах людей, выбывших из пустых и живущих дворов. Поэтому пришлось провести чрезвычайно трудоемкую работу — выбирать необходимые сведения из писцовых и переписных книг.

* * *

Одним из показателей миграционных процессов является дворовая пустота. Наш конкретный анализ мы и начнем с изучения ее эволюции.

Сохранившиеся сотные с писцовых книг северных волостей и уездов с конца XV в. до 70-х годов XVI столетия показывают, что пустота здесь была еще незначительной. Так, в Шунгском погосте в 1496 г. в 149 деревнях со 168 дворами не было ни одного пустого двора, в этом погосте не было ни одной пустоши, зато в числе живущих деревень было 10 починков. В 1563 г. здесь уже 14 пустых дворов и мест дворовых (9,0% к числу всех дворов)⁴. По Устьянским волостям в 1554 г. удельный вес пустых дворов к числу жилых составил всего 5,0%. В Кодимской волости Подвинской чети Важского у. (позже Кодимская и Селецкая волости) в 1565 г. на 123 живущих всего три пустых двора, или 2,3%. Здесь 53 деревни, 7 починков, 3 селища и только одна пустошь⁵. Такая устойчивая оседлость северного населения в XV — первой половине XVI в. подтверждается и сведениями о земельных угодьях. В этот период пустующих заброшенных пахотных и сенокосных угодий еще чрезвычайно мало.

Конечно, само по себе отсутствие «пустоты» еще не всегда безусловный показатель и отсутствия миграции населения. Известно, что и до середины XVI в. Восточное Поморье заселялось выходцами из более западных уездов самого же Поморья. Тогда как же объяснить малую «пустоту», устойчивую оседлость? Допустимо предположить, что до середины XVI в. уезды раннего освоения Севера были такими же

³ Общий источниковедческий анализ северных писцовых книг дан в статье П. А. Колесникова. — «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института, т. 32, вып. 2, Вологда, 1967, стр. 134—150 и статья автора в данном сборнике, стр. 182—196.

⁴ Подсчеты сделаны по книге М. В. Витова «Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв.», М., 1962.

⁵ ЛОИИ, Колл. 11, оп. I, № 153. Статья публикуется впервые Ю. В. Васильевым в этом же сборнике, стр. 381—397.

перевалочными районами для мигрировавшего сюда населения из Центра и Новгородской земли, какими позже сами восточные уезды стали для населения, направляющегося в Сибирь. Новые пришельцы в Заонежье, Подвинье, В. Устюг уже в XV в. находили все меньше свободных наиболее удобных для сельского хозяйства земель и уходили дальше. «Старожилыцы» же западных уездов еще прочно удерживали свои позиции в северной деревне с ее долевым землевладением. Они отнюдь не намерены были бросать свои дворы и угодья из любви к бродяжничеству, которая так настойчиво приписывалась русскому крестьянству представителями дворянско-буржуазной историографии. В нашем распоряжении нет писцовых книг XVI в. по восточным уездам, району более позднего заселения и освоения. Но и без этого можно априорно утверждать, что без серьезных оснований крестьянин и здесь не забрасывал двор и земельные угодья, освоенных с таким неимоверным трудом.

Известно, что после присоединения Русского Поморья к Московскому княжеству и ликвидации землевладения новгородских бояр в этом районе стала складываться та система феодальных отношений, зародившаяся еще в новгородский период, которая известна под именем «государственного феодализма»⁶. Северный черносошный крестьянин в XV—XVI вв. продолжал, нужно сказать, не без успеха, вести борьбу против закрепощения, за прерогативы быть владельцем и распорядителем земельных угодий⁷. Да и природно-географические условия, как ни суровы они на Севере, предоставляли в распоряжение землевладельца еще удобные площади для заселения и занятия земледелием и животноводством (богатые по естественному плодородию заливные луга, наличие еще не освоенных безлесных или малолесных полянок по берегам рек и озер, требующих меньших усилий для расчистки и др.). И потому до XVI в., особенно в ранних районах колонизации, шло довольно интенсивное заселение и освоение русского Севера. Это подтверждается и тем, что абсолютное большинство сельских поселений возникало здесь в XIV—XVI вв.

Примерно с конца XVI в. начинается следующий период освоения и заселения Европейского Севера Русского государства. С этого времени стали отчетливо создаваться те условия, которые ускоряли образование пустоты в северных посадах и уездах, приводили к вынужденной необходимос-

⁶ В. И. Ленин брал это понятие в кавычки, подразумевая под этой системой феодальных отношений не основной тип закрепощения; основным является помещичий феодализм.

⁷ Н. Н. Покровский. Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами. — «Освоение Сибири в эпоху феодализма». Новосибирск, 1968, стр. 13—19.

ти забрасывать земельные угодья, промыслы, свои дворы и уходить в новые края.

Большое влияние на ускорение этих процессов оказали ряд факторов, в том числе открытие во второй половине XVI в. оживленного движения от Вологды по Сухоне и Северной Двине к Белому морю, к этому единственному тогда «окну в Европу», присоединение Западной Сибири, куда шли пути, начинавшиеся также от Вологды. Это способствовало расширению промыслово-торговой деятельности, развитию товарно-денежных отношений, усилению имущественного неравенства как на посадах, так и в деревне.

Этот второй период, продолжавшийся до последней трети XVII столетия, характерен также тем, что поступательное движение в развитии паровой системы земледелия в форме трехполья, а также агротехники того времени, дальнейшее совершенствование орудий обработки и уборки хлебов приостановилось или чрезвычайно замедлилось. После этого в течение трех столетий мало что изменилось. Археологи, историки, этнографы накопили обильный материал, подтверждающий выше сказанное. К XVII веку укрепила позиции паровая система земледелия в форме трехполья, а подсека в большинстве уездов осталась лишь средством расширения площадей под сельское хозяйство. Соха с полицей, появившаяся еще в XIV в., оказала решающее влияние не только на переход к паровой системе земледелия, но и на дальнейшее развитие земледелия по восходящей линии. В XVII в. соха получает новое радикальное усовершенствование. Появилась соха-косуля, сыгравшая положительную роль в земледельческом хозяйстве. Но на сохе-косуле по существу и завершается коренное усовершенствование пахотных орудий в лесной полосе страны. Серпы зазубренной формы, косы-горбуши и вошедшие в практику еще в XVI в. косы-литовки — вот на чем остановилось дальнейшее развитие орудий уборки хлебов и сена. Такая же картина и с другой сельскохозяйственной техникой. Кичига и цеп — орудия молотбы, завершили свою эволюцию уже в эпоху Киевской Руси, веяние лопатой и решетом оставалось у северного крестьянства до социалистических преобразований, ветряные мельницы известны в XV в., а водяные — с XVII в. Основные приемы агротехники, применявшиеся при паровой системе земледелия в форме трехполья, также определились в XV—XVI вв. и затем довольно медленно совершенствовались⁸.

Опричнина и хозяйственное разорение 70—80-х годов XVI в. оказали меньшее здесь свое разрушительное дейст-

⁸ В. П. Левашева. Сельское хозяйство. — «Труды ГИМ, т. 32, М., 1956, стр. 20—75; «Русский Историко-этнографический атлас (середина XIX—нач. XX в.)» М., 1967.

ние, но все же полностью и Север не избежал этого влияния. Это подтверждается ростом удельного веса пустых дворов, увеличением количества пустошей. Так, по нашим подсчетам, в 1586 г. по Яренскому у. пустые дворы по отношению к жилым составили уже около 14%⁹.

Дворовая пустота и ее удельный вес по отношению ко всем дворам в 20-х годах XVII в. показана в табл. 1.

Таблица 1

Дворовая пустота в I четверти XVII в.¹⁰

Уезды	Общее кол-во дворов	Из них				% пустых к числу всех дворов	Приме- чение
		жилых	пустых		итого		
			дворов	дворов. мест			
1. Кеврольский	1657	1649	3	5	8	0,5	
2. Мезенский	1023	1004	19	—	19	1,8	
3. Устьянские волости	1944	1887	42	15	57	2,8	
4. Устюжский	7336	7084	228	24	252	3,4	
5. Тотемский	2643	2530	73	40	113	4,3	
6. Важский (Шен- курская четъ)	1128	1076	4	48	52	4,6	
7. Шунгский погост	441	416	14	11	25	5,6	
8. Заозерская поло- вина Вологод- ского уезда	3800	3477	248	75	323	8,5	
9. Сольвычегодский	4436	4031	355	50	405	9,1	
10. Орловский	732	644	88		88	12,0	
11. Хлыновский	3231	2833	344	54	398	12,2	с поса- дом
12. Двинский	3753	3261	235	257	492	13,1	
13. Яренский	2868	2469			439	15,6	
14. Шестаковский	728	522	147	59	206	28,3	
15. Слободской	2020	1298	429	303	732	31,8	
	37750	34141	2229	941	3609	9,5	

Как видим, количество забрасываемых дворов и угодий особенно велико в восточных уездах, в Вятской земле (от 12 до 31,8%). К сожалению, нет вполне достоверных данных по Соликамскому и Чердынскому уездам, но судя по пустоте в соседствующем Яренском у., там была также высокая

⁹ Сотные и писцовые книги по этому уезду публикуются А. А. Зиминим и А. И. Копневым в этом сборнике.

¹⁰ Сведения из писцовых книг только по черносошным волостям.

текучесть населения. Казалось бы, что это вступает в противоречие с общим довольно бурным и нарастающим процессом заселения и освоения восточного Поморья в конце XVI — начале XVII в. В это время в вятских уездах и двух приуральских было учтено 1502 починка и займища, или 47,1% новых поселений к общему числу всех населенных пунктов. Видимо, хлынувшие массы мигрировавших крестьян из центрального и западного Поморья в эти перевалочные уезды на пути в Зауралье и Сибирь содействовали возникновению новых поселений. Но этот же поток, продолжая двигаться дальше, подхватывал не только непрочно осевшие контингенты пришлого люда, но и старожилов. В группу уездов с высоким процентом пустых дворов попал и Двинский, в котором ранее других стали складываться те социально-экономические отношения, которые начали вытеснять экономически мало устойчивые хозяйства.

С последней четверти XVII в. начинается новый период, который характерен более быстрым увеличением дворовой и земельной пустоты. По материалам переписи 1678 г. количество пустых дворов и мест дворовых увеличилось примерно в два раза. Но прямо катастрофически начала расти пустота в начале XVIII в. Речь идет не об уменьшении количества жилых дворов, чему так неоправданно поверили П. Н. Милюков и др.¹¹ Уменьшение было фиктивным, результатом массовой утайки от учета. Мы говорим о реальном увеличении дворовой пустоты.

В этот период черносошные крестьяне продолжали еще бороться против закрепощения, за право распоряжаться землей, за самоуправление. Но феодальное государство уже в XVII в. фактически одержало победу, которая была юридически закреплена петровскими указами 1719—1725 гг., межевыми инструкциями 1754 и 1766 гг., передачей в 1775 г. черносошных крестьян в ведение казенных палат, реформой П. Д. Киселева в первой половине XIX в.

Известно, что первая четверть XVII в. является и начальным этапом разложения долевой деревни, что убедительно доказала А. А. Ефименко¹². Развитие товарно-денежных отношений в целом в стране и особенно в промыслово-ремесленном и торговом Поморье оказывало влияние не только на разложение долевой деревни, но и на разложение одиначеско-артельной организации земледельческой и

¹¹ П. Н. М и л ю к о в. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 184—218; В. М. К л о ч к о в. Население России при Петре Великом по переписи того времени, т. I, СПб., 1911, ч. 3 и 4.

¹² А. Я. Е ф и м е н к о. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — Исследование народной жизни. Вып. I, М., 1884, стр. 185—380.

промысловой деятельности. В районах старого заселения и освоения (Двинский, Важский, Устюжский и другие уезды) удобные участки земель давно уже были распаханы. Встала дилемма вторжения в лесные массивы. Но это повышало трудоемкость освоения новых площадей в несколько раз. Требовалось дальнейшее усовершенствование системы земледелия, сельскохозяйственных орудий и агротехники.

В этих условиях многие крестьяне разорялись, забрасывали с таким трудом разработанные угодья, бежали добровольно «безвестно» и в сибирские города, выталкивались волостными мирами «по просьбе» и без таковой, искали приложение своих сил в местных промыслах. Многие из уходивших по правительственной мобилизации на работу там умирали или навсегда оставались работными людьми.

И дворовая пустота продолжала увеличиваться. Нарушалась существовавшая в первые века освоения Севера устойчивая оседлость. Новые поселения, особенно в восточной части Поморья, росли как грибы, но с такой же краткосрочностью грибной жизни прекращали свое существование.

По переписям 1707—1717 гг. удельный вес пустых дворов выглядит так (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Дворовая пустота в 1707—1717 гг.

Уезды и год переписи	Всего дворов	Из них:		% пустых дворов	Примечание
		жилых	пустых		
Яренский в 1710 г.	1921	1497	424	22,0	не весь уезд.
Мезенский в 1717 г.	1546	967	579	31,4	
Устьянские волости в 1717 г.	2015	1122	893	44,3	
Вотчина Строгановых в 1715 г.	10446	5589	4857	46,5	
Чердынский в 1707 г.	3658	1658	2000	54,8	
Подвинская четь Важского у. в 1717 г.	2709	1224	1485	54,8	
Кубенская треть Вологодского у. в 1710 г.	4846	1966	2880	59,4	
Каргопольский	8633	3361	5272	61,1	
	35774	17384	18390	51,3	

В сравнении с первой четвертью XVII в. удельный вес пустых дворов поднялся более чем в три раза. Позже, к середине XVIII в., особенно к началу следующего столетия феодальному государству удастся стабилизировать положение, закрепить и северного крестьянина за общиной с круговой порукой за каждого человека. Крестьянин не «бежал безвестно», а уходил по «билету» и паспорту в отхожие промыслы, и двор при этом не считался пустым. Да и бежать стало некуда. В Сибири волна народной колонизации докатилась до берегов восточных морей. И легенда о «лучшей жизни» за Уральским каменным поясом давно развеялась. Но это было все позже. А пока, в начале XVIII в., северный крестьянин все еще надеется найти «обетованную землю», и бежит, «сходит», скитается, а многие мобилизованные умирают на набережной Невы и в далеком Таганроге...

Перейдем к анализу причин запустения и миграции.

* * *

П. Н. Милюков и М. В. Ключков запустения дворов и угодий в Поморье в конце XVII — начале XVIII вв. объясняли влиянием правительственной политики (мобилизации в солдаты и на работу), естественными причинами (смерть), результатом «разбойничества», побегов. Социально-экономические причины в этих рубриках отсутствовали, что, безусловно, не верно. Эти причины как раз и были решающими. Возьмем запустевшие дворы по «естественным» причинам (а у Милюкова это 29%)¹³. Это не выморочные дворы в результате смерти всех жителей двора, как он предполагал. Таких дворов сравнительно немного. В большинстве случаев было так, что смерть главы семьи в силу слабой экономической состоятельности хозяйства приводила вскоре к полному разорению и запустению двора. «Разбойничество» и побегі были не причиной образования пустоты, а следствием разорения, обнищания крестьянства.

В таблице 3 дана группировка причин запустения дворов и выбытия людей. Учтено выбытие более 90 тысяч душ м. п., примерно из 30 тыс. пустых дворов и нескольких тысяч жилых. Из 23 северных уездов источники позволили сделать выборки по 16 уездам, которые сгруппированы по трем районам Поморья. Северо-западную группу уездов (Олонецкий, Крагопольский уезды и Чарондская округа) роднят историческое прошлое, природные условия, а также и то, что все они в начале XVIII в. были приписаны для корабельных работ к Адмиралтейству. Сюда нужно было бы отнести и Кольский уезд, но сведений по этому уезду у нас нет.

¹³ П. Н. М и л ю к о в. Указан. соч., стр. 205.

Причины крестьянской дворовой пустоты и выбытия населения в конце XVII — нач. XVIII вв. (душ. м.п.)

Уезды Причины	Северо-западные уезды				Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)						
	Олонец- кий	Карго- польский	Чаронда	итого	Вологод- ский	Устюж- ский	Сольвы- чегод- ский	Устьян- ские волости	Важский	Двинский	Итого
1. Смерть главы семьи и разорение двора	1787	1368	554	3709	1797	2236	9148	3052	9536	1103	26872
2. Обнищание	10020	1787	527	12334	1528	1083	4999	2429	4781	2751	17571
3. Переход на посад, в другие сословия		38	—	38	292	512	345	10	140	302	1601
4. Разорение в результа- те правительствен- ной мобилизации:											
а) на работы	17	1326	642	1985	692	75	149	205	938	157	2216
б) в армию	15	127	77	219	675	133	358	273	952	118	2509
Итого	11839	4646	1800	18285	4984	4039	14999	5969	16347	4431	50767

Продолжение

Причины \ Уезды	Северо-восточные и восточные уезды								Всего	% к общему числу
	Кевроль-ский	Мезенский	Слобод-ской	Орлов-ский	Шеста-ковский	Яренский	Соликам-ский	итого		
1. Смерть главы семьи и разорение двора	210	770	420	468	31	108	1343	3350	33931	35,8
2. Обнищание	328	1059	2505	775	334	213	14870	20084	49989	52,8
3. Переход на посад, в другие сословия	31	115	9	33	—	3	293	484	2124	2,2
4. Разорение в результате правительственной мобилизации:										
а) на работы	60	141	33	93	9	216	43	595	4796	5,1
б) в армию	1	112	42	24	21	93	821	1114	3842	4,1
Итого	630	2197	3009	1393	395	633	17370	25627	94679	100

Шесть уездов Центрального Поморья, расположенных вдоль Сухоно-Двинского речного пути (Вологодский, Устюжский, Сольвычегодский, Устьянские волости, Важский, Двинский), наиболее полно представляют этот район Поморья, нет сведений только по Тотемскому уезду.

Из-за отсутствия сведений по многим приуральским, вятским и северо-восточным уездам пришлось все остальные семь (из 16) объединить в одну группу ¹⁴.

Не все источники представленных в таблице уездов позволили получить полные сведения за время с 1678 по 1717 годы. По Важскому уезду нет Кокшеньгской чети, по В. Устюгу и Каргопольскому уездам получены материалы лишь по нескольким станам и волостям, по Соликамскому уезду в основном сведения по вотчинам Строгановых да и то за 4 года, с 1711 по 1715 годы. По Кеврольскому, Орловскому, Слободскому, Шестаковскому, Каргопольскому уездам получены сведения о судьбах только дворовладельцев. И для приведения их к одним показателям в душах мужского населения сведения переписных книг утроены, считая на запустевший двор по 3 д. м. п.

В первую группу мы внесли все случаи запустения дворов, когда причиной пустоты источники определяли смерть дворовладельца. Это, конечно, не первопричина, а лишь один из факторов, который ускорял разорение хозяйства. Сколь же велика была неустойчивость значительной части крестьянских хозяйств в условиях феодализма того времени, когда достаточно было смерти главы семьи, чтобы двор закладывался, продавался, а то и просто забрасывался, а люди разбредались! Не всегда переписные книги дают сведения о судьбах жителей такого двора. В большинстве случаев, когда источники содержат данные, эти люди бродят по миру, уходят в соседние уезды и в Сибирь.

Необходимо выделить еще такую особенность. В XVI — начале XVII в. обнищание в результате смерти главы семьи редко отмечалось в источниках. А в период с 1678 по 1710 годы не менее одной трети всех запустевших дворов было вызвано смертью главы семьи.

В нашей таблице дано все учтенное источниками мужское население, выбывшее в основном из пустых дворов. Только 2,2% мужского населения из запустевших дворов перешли на посад, в другие сословия, в дворы других деревень своего уезда. Около 10% мужчин было мобилизовано, умерло или по разным причинам домой не вернулось, в то вре-

¹⁴ По вопросу о районировании Русского Поморья применительно к условиям XVI — начала XVIII вв. в литературе единого мнения нет. Мы считаем возможным выделить 5 природно-географических и социально-экономических районов: Северо-западный, Центральный, Северо-восточный, Вятский и Приуральский.

мя как семья обнищала и забросила свой двор и свои угодья. В графу «обнищавших» включены все разорившиеся по различным причинам (52,8%). Сюда же отнесены все разорившиеся и забросившие свои дворы после мобилизации взрослого мужского населения на работы и в армию.

Дворовая пустота начала особенно быстро увеличиваться в последней трети XVII в., еще задолго до Петровских войн и преобразований, главным образом под влиянием социально-экономических факторов. Мобилизация населения для армии и строительства городов, заводов, верфей при Петре I ускоряла процесс имущественного и социального неравенства, создавала благоприятные условия для обнищания одних и обогащения других.

* * *

Попытаемся теперь проследить направления миграции. Безусловно, что основной поток уходившего крестьянства двигался в восточном направлении.

Например, писцовая книга Яренского у. 1608 г., показывающая убыль населения за период с 1586 г., особенно это ярко отразила. Из 116 случаев, учтенных источником, в Сибирь ушло 47 или 40,5%, в Пермь, на Вятку, в «Верхкамье» — 41, или 35,3%, а всего 75,8%. Отмечено еще 20 человек сошедших «безвестно», а они в основном также уходили в восточном направлении. В Замосковные города выход из этого уезда не отмечен, только один человек ушел в северо-западное Поморье, на Двину.

Не снижается интенсивность миграции в восточном направлении до 80-х годов XVII в. Это достаточно убедительно отражено в переписных, «крестоприводных книгах» (т. е. книгах, содержащих перечни людей, приводившихся к присяге после вступления на престол нового царя), и в различном актовом материале. Так, по не полностью сохранившейся крестоприводной книге Чердыни 1682 г. учтено 162 пришлых «гулящих» людей, в том числе 130 указали места выхода, из них: 27 важан, 18 устюжан, 11 пинежан, 5 вологжан, 7 — из Усольского у., 7 — из Двинского, Мезенского и Каргопольского уездов, а всего из северных и центральных поморских уездов 109 человек, или 83,8%¹⁵.

В соседнем Соликамском у. за 1647—1678 гг. учтено 808 прибывших людей, в том числе из Поморских уездов 746 (92,4%). Из числа поморских людей 370 пришли из уездов центрального и северного Поморья (50%), и остальные — из вятских городов, Яренска и Чердыни¹⁶. По подсчетам В. П. Червякова за время с 1678 по 1726 годы по

¹⁵ ЦГАДА, ф. 137, Город. кн. Чердыни, № 4, 1682 г.

¹⁶ Подсчеты сделаны по кн. Н. В. Устюгова, соч., стр. 188.

этому же уезду учтено с указанным местом выхода 1260 человек, из них поморян 1139 человек (90,4%), в числе же самых поморян из центральных и северных уездов — 722 чел. (63,4%)¹⁷. Таким образом, не только интенсивность прилива населения в этот уезд из Поморья не снижается, но и районы выхода пришельцев остаются прежними.

В таблице № 4 сведены собранные материалы о миграции сельского населения 16 уездов. Сюда вошли выбывшие по некоторым уездам и из жилых дворов¹⁸. Умершие главы семей запустевших дворов в эту таблицу не включены. Всего выбывших за пределы уезда и скитающихся по миру учтено 60 748 душ м. п.

В таблице выделены две основные группы, покинувших дворы и угодья. В первую группу включены все, кто выбыл за пределы уезда, записался в половники, ушел скитаться по миру под воздействием социально-экономических условий, складывавшихся непосредственно внутри крестьянских волостных миров. Их учтено 51 668 чел., или 85,1%. Причем, в этой группе выделены те, кто еще не покинул уезда. Это скитающиеся по миру, работающие после разорения по найму, записавшиеся в половники и т. д. Их 29,4% к общему числу всех выбывших. Основная же масса выбыла за пределы уезда, в том числе ушло в соседние поморские уезды 2,4%, сошло в Сибирь 8,5%, а 44,1% всех убывших сошли и бежали «безвестно». Абсолютное большинство таких «безвестных» из северо-западных и центральных уездов бежали в восточные, а из восточных уездов в Сибирь. Всего выбыло за пределы уездов 55,7%. Чем восточнее уезд, тем большее число людей направляется в Приуралье и Сибирь. Например, из северо-западных уездов удельный вес крестьян, направившихся в Сибирь, составил всего 0,4%, из центральных уездов — более 7%. Из Соликамского уезда абсолютное большинство безвестно бежавших направлялось в Сибирь. Если объединить в нашей таблице § 3 и 5, то уход в Сибирь из северо-восточных, вятских и приуральских уездов составит 16 252 чел., или 26,7% к общему числу выбывших душ м. п.

Незначительное число крестьян уходило в Замосковные города. Черносошного крестьянина, считавшего себя свободным, не манили районы государства с тяжелой формой крепостничества.

Во вторую группу сведены выбывшие навсегда в результате правительственной мобилизации. Это 14,9% всех выбывших. Большой интерес представляет та группа, которая мобилизована на работу и домой не возвратилась. С переселен-

¹⁷ Статья В. П. Червякова печатается в данном сборнике.

¹⁸ Интенсивность выбытия из жилых дворов все время нарастала, к сожалению, источники многих уездов не отражают этот процесс.

Миграция сельского населения в конце XVII — нач. XVIII вв.

Таблица 4

Направление миграции	Северо-Западные уезды				Центральные уезды (вдоль Сухоно-Двинского речного пути)						
	Олонец- кий	Карго- польский	Ча- рнда	итого	Вологод- ский	Устюж- ский	Сольвече- годский	Устьян- ские вол.	Важский	Двин- ский	итого
I.											
1. Передвижение внутри волости — уезда											
а) скитаются в мире	4020	147	213	4380	435	233	716	547	963	1490	4384
б) записались в полонники	—	—	—	—	—	478	145	—	230	270	1123
в) перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости — уезда	—	742	26	768	292	407	1667	268	806	279	3719
2. Ушли в соседние поморские уезды	—	32	15	47	—	143	287	219	357	142	1148
3. Сошли в «Сибирские города»	—	153	81	234	—	139	1738	886	1288	27	4078
4. Сошли в Замосковные и другие уезды	—	3	—	3	—	—	79	36	37	226	378
5. «Сошли» и «бежали» безвестно	6000	743	192	6940	801	261	712	483	1541	698	4496
Итого	10020	1825	527	12372	1528	1661	5344	2439	5222	3132	19326
II. Выбыли навсегда в результате правительственной мобилизации											
1) умерли на работах в разных местах	—	1099	539	1638	—	52	100	168	665	64	1049
2) переселены на «вечное жительство в С.-Петербург»	—	—	7	7	18	13	3	12	30	61	137
3) Мобилизованы на работу и домой не вернулись	17	227	96	340	674	10	46	25	245	60	1060
4) Взятые в армию	15	227	77	319	675	733	558	373	949	113	3406
Итого	32	1553	719	2304	1367	808	707	578	1889	303	5652
Всего	10052	3378	1246	14576	2895	2469	6051	3017	7111	3435	24978

Направление миграции	Северо-восточные и восточные уезды								Всего	% к общему числу
	Кевроль-ский	Мезенский	Яренский	Слободской	Шестаков-ский	Орловский	Соликам-ский	итого		
I.										
1. Передвижение внутри волости — уезда										
а) скитаются в мире	36	69	12	330	26	24	1895	2392	11156	18,4
б) записались в половники		93	9	33	—	24	26	185	1308	2,2
в) перешли на другие жеребья и другие передвижения внутри волости — уезда	58	156	24	212	62	114	195	821	5308	8,8
2. Ушли в соседние поморские уезды	6	36	21	117	13	21	92	306	1501	2,4
3. Сошли в «Сибирские города»	211	338	45	120	63	—	102	879	5191	8,5
4. Сошли в Замосковные и другие уезды	—	7	—	—	—	8	1	14	395	0,7
5. «Сошли» и «бежали» неизвестно	51	553	51	1680	180	273	12585	15373	26809	44,1
Итого	359	1252	162	2492	344	462	14896	19970	51668	85,1
II. Выбыли навсегда в результате правительственной мобилизации										
1) умерли на работах в разных местах	—	121	18	17	5	12	43	216	2903	4,8
2) переселены на «вечное жительство в С.-Петербурге»	—	6	—	—	—	—	—	6	150	0,2
3) Мобилизованы на работу и домой не вернулись	60	14	39	26	15	81	—	235	1635	2,7
4) Взяты в армию	10	112	36	52	18	24	415	667	4392	7,2
Итого	70	253	93	95	38	117	458	1124	9080	14,9
Всего	432	1505	255	2587	382	579	15354	21094	60748	100

цами на «вечное» житье в столицу таких учтено 1 785 чел. Большинство из них остались на новых местах, порвав навсегда с северной деревней, пополняя кадры наемных работников, затем участвуя в формировании кадров предпролетариата России. И это в основном только из запустевших дворов (семьи этих людей обнищали и разорились).

Значительно больше невозвращенцев было из семей в жилых дворах. Видимо, не будет преувеличением определить в целом для всего Европейского Севера России количество по разным причинам не возвратившихся мобилизованных в 5—7 тыс. душ м.п., а с учетом умерших на работах и переселенных на «вечное» житье в новую столицу и другие места — не менее 12—15 тыс. человек. И этот отлив падает в основном на конец XVII в. и на первые 15—17 лет следующего столетия, так как до этого времени, хотя мобилизация ремесленников из северных уездов и осуществлялась, но она была не столь значительной. В нашей таблице мобилизованные в армию показаны в основном только из тех дворов, которые после этого обнищали. Фактически взято значительно больше.

Проверка новой пустоты в 1671 г. по уезду Устюга Великого выявила, что за 50 лет было взято в солдатскую службу 2474 чел.¹⁹ В конце XVII — начале XVIII в. в армию было мобилизовано еще больше. По подсчетам П. Н. Милюкова в 1700—1709 гг. было взято в армию со всего государства не менее 200 тыс. человек²⁰. А это почти 4—5% от всего мужского населения страны. Если взять такое отношение и к поморским уездам, то получается, что не менее 20 тыс. было взято в рекруты из Поморья только за эти 9 лет. Общее количество мужского населения, по разным причинам порвавшего связи с дворами и тяглыми угодьями, с конца XVIII в. и до первой ревизии можно примерно исчислить в 200 тыс. человек, или около 30% мужского населения Поморья²¹.

* * *

Сведения о миграционных процессах на протяжении двух столетий дают основания сделать ряд обобщений и выводов.

Прежде всего, довольно ясно определяются периоды внутренней колонизации и миграций за пределы своих уез-

¹⁹ ЦГАДА, ф. 137, Город, кн. по Устюгу Великому, д. 191, 1671 г.

²⁰ П. Н. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 131—133.

²¹ Первой ревизией было учтено (без городов) на изучаемой территории примерно 450 тыс. душ м.п. (В. М. Кобузан. (Народонаселение России в XVIII — первой половины XIX в., М., 1963). Общее количество мужского населения в 70-х годах XVII в. было около 400 тыс., до первой ревизии выбыло около 200 тыс. и учтено ревизией 450 тысяч.

дов и всего Русского Севера. Время до середины XVI в. можно считать периодом заселения и земледельческо-промыслового освоения в районах более ранней народной колонизации (Подвинье).

По нашим подсчетам из общей площади всех пахотных угодий, числившихся здесь в 1678 г., от 70 до 90% были пущены в хозяйственный оборот уже к началу XVI в. В XVI в. выход населения из ранее обжитых северных уездов значительно возрастает. На новые, необжитые земли Восточного Поморья, в вятские и приуральские уезды пошли не только «новоприходцы» западных уездов, но и «старожилы». С конца этого столетия отмечается уход и бегство непосредственно в Сибирь.

Конечно, внутренняя колонизация продолжается и в XVII в. Но уже давно минуло время «свободно-явочного» освоения наиболее благоприятных под пашню земельных площадей и богатых пушным зверем лесных участков. В это время характер и причины миграции населения, судьбы крестьян, бросавших свои дворы и угодья, начинают изменяться. К. Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» указал на принципиальное отличие докапиталистической миграции от переселений эпохи капитализма. Мы не склонны приписывать миграционным процессам XVII в. капиталистические черты. Но конкретный материал массовых источников дает основание говорить о наличии сложного переплетения докапиталистических и новых черт. Новое заключается в том, что основной причиной миграции становилось не относительное перенаселение в связи с использованием фонда удобных для сельского хозяйства земель, а экономическая неустойчивость и разорение значительной массы крестьянства.

Правда, на миграцию сильно влияло медленное развитие производительных сил. (Здесь восходящая линия развития земледелия в основном обрывается уже в XVII в., о чем мы говорили выше). С другой стороны появился ряд весьма важных обстоятельств, вынуждавших крестьян бросать родные места. Прежде всего, это рост феодальной ренты, правительственная мобилизация, вообще усиление крепостного гнета со стороны феодального государства. И в результате разложение северной долевой деревни, долевого крестьянского земледелия, основательный подрыв уже в XVII в. так называемого «земского самоуправления», развитие в наиболее населенной и экономически развитой Двинской земле, а с конца XVII в. и в большей части Поморья новых тенденций в экономической жизни, которые «трудно охарактеризовать иначе, как постепенное зарождение в недрах старого феодального хозяйства Севера, особенно среди черносошного крестьянства, новых социальных

отношений, отношений в известной мере уже предбуржуазных»²². Подрывалась «мирская» организация, роль общины, усиливалось влияние на хозяйственную жизнь деревни и волости со стороны зажиточной части населения.

А. А. Преображенский, комментируя обнаруженные им отпускные письма, выдававшиеся в XVII в. на руки крестьянам, показавшим деревню, сделал интересное наблюдение о том, что среди массы «беглых» были не только самовольно ушедшие из общины, но и легально отпущенные люди²³. В пользу такой точки зрения необходимо добавить, что по мере развития товарно-денежных отношений и растущего втягивания зажиточной части крестьян в производство продуктов сельского хозяйства на рынок, увеличивалось их стремление избавиться от экономически нецелесообразного тяглица. К тому же владельцам торгово-земледельческих хозяйств было выгоднее захватить уже пущенные в пахотный и сенокосный оборот угодья и даже взять на себя часть платежей, чем расширять хозяйство за счет разделки лесных массивов.

Правительственная мобилизация взрослого мужского населения создавала зажиточной части крестьянства благоприятные условия для «чистки» северной деревни от количественно все возрастающего экономически неустойчивого населения. Волостные миры старались в рекруты и на работу посылать именно такой элемент. В 1671 г. по заданию правительства в Устюжском у. «досматривалась новая пустота». В результате вырисовывается яркая социальная сторона «выбраковки» из миров малоимущих слоев населения. Например, в Шемогодской волости вновь было взято в солдатскую службу 10 чел., все они были «нищие бедные оскудалые». В Ивановской волости все семьи солдат разорились, скитались в мире, или сошли безвестно, одна семья ушла в Сибирь. Жены и дети, братья и родители, не имея возможностей обработать землю, закладывали или продавали свои доли.

В просмотренной нами «Описи взятых солдат и пустоты в деревнях Устюжского уезда» приводится пример, который характерен для большинства хозяйств мобилизованных людей. После отправки в солдаты Михаила Семенова остались два брата — Павел и Иван. Вскоре Павел «четвертый жеребей с деревнишка своей спродал» своему односельчанину М. Щуклину и половнику А. Чюпрякову, а сам с женой и детьми «съехал в сибирские города». Другой брат ко времени проведения досмотра сильно «оскудал». В це-

²² Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России», Л., 1969, стр. 241.

²³ А. А. Преображенский. К вопросу миграции населения... стр. 73—76.

лом по Устюжскому уезду было взято в солдатскую службу 2474 чел., да из пустых дворов было «сошлых и умерших» 2351 чел. Запустело 398 вытей. Родственники лиц, взятых в солдаты, обнищали и «жеребьишка свои позакладывали», а некоторые пустые земли «люди наездом пашут»²⁴.

В писцовых книгах хорошо отражено увеличение количества дворов и угодий, находящихся во владении по купчим. Так, в Пачеозерском стане Сольвычегодского уезда в 1645 г. по крестьянским купчим было записано владение 85 дворами, что составило 36,5% к общему числу предъявленных документов на право владения. Примерно через 30—35 лет писцам в этом стане было предъявлено 115 купчих из общего числа 330 дворов, то есть уже 50%.

В этой писцовой книге есть сведения и о судьбах тех, кто продал свои дворы и угодья. Основная масса продавцов — это разорившиеся семьи после смерти главы двора (84 случая из 115). Затем перечисляются те, которые «обнищали» и после продажи дворов ушли в Сибирь (6 случаев), восемь человек продали дворы и перешли в половники, остальные после продажи скитались в уезде или сошли безвестно. И только один человек перешел жить на посад и там приобрел двор²⁵. В Важском, Двинском, Тотемском уездах наблюдается такая же картина. И даже в пределах одного и того же уезда, в волостях расположенных вблизи от города и промыслово-торговых центров, сильнее разрушение долевой деревни, больше дворов и угодий переходит к новым владельцам по купчим и закладным крепостям.

Необходимо остановиться еще на одной особенности миграции сельского населения Поморья, заметно проявившейся во второй половине XVII в. В это время замечается усиление перемещения населения внутри самого уезда или отдельных районов Поморья. На это обратил внимание А. А. Преображенский, рассматривая миграцию на Урале и в Западной Сибири²⁶. По данным табл. 4 количество крестьян, мигрирующих в пределах своих уездов, в целом по 16 уездам составляют 29,4%. По группе северо-восточных уездов их было 23%, по группе северо-западных — 41%, по Двинскому уезду — более 60%. Из Подвинья разоряющиеся крестьяне уходили на заработки в Архангельск. По переписным книгам Двинского и Важского уездов 1710 г. «кормятся» работою в Архангельске и в своих волостях более 12% всех убывших из деревень крестьян.

²⁴ ЦГАДА, ф. 137, Город. кн. по Устюгу Великому, д. 191, 1671 г., лл. 37—37 об., 84. По переписной книге 1678 г. в сельской местности в Устюженском у. проживало около 22 тыс. душ. м.п., а по досмотру выбыло 4825 чел., или более 20%.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1209, К—451, лл. 100, 176 об., К—501, лл. 431—570.

²⁶ П. А. Преображенский. К вопросу о миграции населения... стр. 78—79.

Таким образом, миграция XVII — начала XVIII в. являлась не только следствием изменяющихся социально-экономических явлений, но и в свою очередь влияла на них. Особенно быстро разрушались архаические формы артельно-складнических и одиначеских отношений в сельском хозяйстве и промыслах. В основе землевладения была уже не долевая, а своеобразная парцеллярная форма крестьянского хозяйства. Главным способом введения в хозяйственный оборот новых земель стала не артельная разработка лесных участков под пашню, а захват пахотных земель от своих сограждан.

Миграция поморского населения оказала определенное влияние на освоение Зауралья и Сибири и на формирование в Сибири не частного, а государственного феодализма²⁷. В какой-то степени северное промыслово-ремесленное население внесло свой вклад в осуществление экономических преобразований в начале XVIII в. Все это требует дальнейшего изучения и особого очерка.

²⁷ П. А. Преображенский. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII в. Автореферат докторской диссертация, М., 1969.